УДК 1.211

АСКЕТИЧЕСКИЕ ПИСАТЕЛИ ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ О ВОЗМОЖНОСТИ СПАСЕНИЯ В «МИРУ»

С. С. Логиновский

Челябинский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 17 мая 2009 г.

Аннотация: *в статье рассматривается учение аскетических писателей, представляющих монашеское направление, о возможности спасения в «миру». Аскетические писатели считают, что спасение в «миру» возможно (о чем свидетельствуют приводимые ими примеры), хотя и подчеркивают, что «мир» серьезно затрудняет устроение истинно христианской жизни, поскольку строится на «ветхих» началах, полностью устранимых лишь в эсхатологической перспективе.*
Ключевые слова: *спасение, «мир», грех, «ветхий» человек, обожение.*

Abstract: *the article deals with the teaching of ascetic fathers about the possibilities of saving in the «world». Ascetic writers believe that saving in the «world» is possible though they stress that the «world» makes serious obstacles for life on the Christian basis. The reason is that the «world» is based on «old» principles which can be completely removed only in eschatological perspective.*
Key words: *saving, «world», sin, «old» man.*

Роль общества в жизни человека огромна, причем роль эта многолика и подчас противоречива: наряду с положительным влиянием существует и отрицательное. Вопрос о том, чего больше — положительного или отрицательного — всегда был важной проблемой для социальной мысли.

Для того чтобы ответить на него, необходимо выделить критерий, на основе которого будет происходить это определение. Отцы Церкви считают, что таким критерием является цель человеческой жизни. Если что-либо способствует достижению цели жизни человека — оно есть благо, если препятствует — зло.

Говоря о цели жизни человека, отцы Церкви исходят из того, что после смерти тела душа продолжает существовать, причем вечно. Да и телу после Второго пришествия Христа и всеобщего воскресения предстоит вечное бытие. При этом вечность для человека может быть двух видов — либо блаженство с Богом, либо мучение с дьяволом и демонами. В этой ситуации единственной значимой для человека целью может быть лишь стремление к блаженству, т.е. к Богу, или, в отрицательной формулировке (учитывая возможность попадания в ад), — спасение от *огня вечного* (Мф. 18, 8), ожидающего тех, кто не достиг блаженства. «Произойти же оно (спасение. — *С. Л.*) может не иначе как путем обожения спасаемых. А обожение — это, насколько возможно, уподобление Богу и единение с ним» [1, с. 19, 21].

© Логиновский С. С., 2009
12. Заказ 2145

Поясняя смысл этих слов, свт. Григорий Нисский пишет: «Уподобиться Богу — значит сделаться праведным, святым, благим и всем этому подобным. Если кто, сколько возможно, ясно напечатлеет в себе черты этих совершенств (присущих Богу. — *С. Л.*), то, как бы по естественному порядку без труда (дополнительного, не связанного с так понятым уподоблением. — *С. Л.*), из земной жизни переселится в страну небесную, потому что не местное какое расстояние у Божества и человечества, так что была бы потребность в каком-нибудь орудии или промышлении, чтобы эту тяжелую, обременительную и земную плоть ввести в образ жизни нетленной и духовной. Но по разумном отлучении добродетели от порока, от одного человеческого произволения зависит быть человеку там, куда преклонен пожеланием» [2, с. 378].

Итак, христианство ставит перед человеком весьма возвышенную цель, выходящую за рамки земной (в том числе социальной) действительности. Тем не менее и земная «преходящая» жизнь, обозначаемая отцами Церкви чаще всего как жизнь в «миру» или просто «мир», по необходимости имеющая социальную природу, напрямую связана с достижением спасения и обожения. В самом деле, согласно христианскому вероучению, посмертная участь человека (его спасение или «вечная погибель») непосредственно зависит от земной жизни, от того, как она прожита. Это очевидное для отцов Церкви положение концентрирует внимание на человеке, предполагая тему общества лишь как фон, на котором развертывается человеческая жизнь. Однако, поскольку этот фон (общество) активно воздействует на человека, правомерно рассмотрение, каков характер этого воздействия: способствует ли общество достижению спасения и обожения или препятствует?

На первый взгляд, аскетические писатели относятся к обществу весьма отрицательно. Преп. Антоний выражает эту мысль особенно резко «Возненавидьте мир и все, что в нем, возненавидьте всякое плотское успокоение; отрекитесь от этой жизни, дабы жить для Бога» [3, с. 17]. Однако подобные суждения не следует поспешно понимать как осуждение общества (в качестве способа человеческого бытия), поскольку слово «мир» употребляется отцами Церкви в самых разных значениях. Как отмечал еще С. М. Зарин, отцами Церкви слово «мир» используется в трех значениях: 1) для обозначения тварного бытия в противоположность божественному бытию; 2) для обозначения общества; 3) в главном для представителей монашеской письменности значении — страсти, грех. «Слово мир, — пишет, например, преп. Исаак Сирин, — есть имя собирательное, обнимающее собою так называемые страсти... Когда вообще хотим наименовать страсти, называем их миром; а когда хотим различать их по наименованию различий их, называем их страстями» [4, с. 14—15].

Однако это значение слова «мир» неразрывно связано с другим его значением — «настоящая жизнь» (в противоположность будущей, вечной), протекающая в обществе; погруженность в эту «ветхую» социальную действительность значительно усложняет дело спасения. «Ибо,

— пишет преп. Макарий Египетский, — что любит душа, в том находит для себя и пособие и обременение. Если любит что в мире, то сие самое делается для человека бременем и узами, влекущими долу и не позволяющими восходить горе к Богу» [5, с. 285—286]. Поэтому «повелевает нам Господь оставить и убежать от того всего, т.е. оставить отца, матерь, братьев, сестер, сродников, друзей, имения, деньги и вообще всякое богатство. Не потому так требуется, чтоб это были вещи запрещенные и вредные, но потому, что, находясь среди них, не можем мы избавиться от пристрастия к ним. Одолеваемый похотными сластьми, если не отсечет причин, возбуждающих сласти греховные, и не удалится от них, не может никак освободиться от похотения их» [6, с. 382].

По мнению аскетических писателей, именно грех, а не общество являются препятствием для спасения. Общество как таковое, неизбежно для человека: убегая от одного общества, от одной формы социальности, человек неминуемо оказывается частью другой, либо уже существующей, либо создаваемой им самим заново. «Будучи человеками, — пишет преп. Симеон Новый Богослов, — (мы) куда не пойдем, нигде не можем жить иначе, как живут человеки, яко человеки. Где бы мы ни находились, везде нам необходимо потребное для тела, и, кроме того, везде встретим жен, детей, вино, всякого рода плоды и прочее. Так уж устроена жизнь наша» [7, с. 162]. В этом контексте уход из «мира» нужно понимать прежде всего как бегство от страстей: невозможно убежать из «мира» (общества), но возможно и нужно убегать «от пристрастия к сему. Тогда, и от греха легко избежать» (там же), а стало быть, и спастись.

Вместе с тем, окружающее человека общество, образуемое «рабствующими греху» «ветхими» людьми, неизбежно является обществом, где господствуют именно страсти. По этой причине, хотя аскетические писатели теоретически различают «мир» как страсти и «мир» как «общество», на практике применительно к наличной действительности их с полным правом можно отождествить. Однако и в данном случае критика отцов Церкви направлена не на общество как таковое, а на его конкретный вид — *ветхое общество*. Причем они критикуют не те или иные явления социальной жизни (т.е. явления, неизбежно присущие любому обществу), а либо искажения, которые привносит в них грех, либо специфические, обусловленные грехом (и именно поэтому критикуемые) особенности, присущие исключительно ветхому обществу.

Говоря о господствующих в «миру» (обществе) грехах, святые отцы подчеркивают, что к ним относятся не только «явные» грехи (убийство, прелюбодеяние, воровство), которые осуждает и с которыми борется и сам «мир» (общество), не менее опасны и другие, не столь «очевидные» и, на первый («мирской») взгляд, вполне безобидные грехи. Так, вполне добродетельный в «мирском» понимании человек — например, добропорядочный семьянин, занятый заботами о благосостоянии своих близких, — по мнению отцов Церкви достоин сожаления, если эти

мирские заботы занимают его полностью, и он душой и сердцем «прилепляется» к ним, любит их больше Бога или даже любит только их, забыв о Боге. К сожалению, подчеркивают аскетические писатели, жизнь в «миру» способствует развитию активности человека именно в этом, «суетном» направлении, поэтому преп. Исаак Сирин, выражая общее мнение аскетических писателей, требует: «Отрешись прежде от всякого внешнего союза, а тогда возможешь быть сердцем в союзе с Богом» [4, с. 276], т.е. достигнешь цели жизни христианина.

Такое «отрешение» от всякого внешнего союза, т.е. бегство от «мира» (общества, пропитанного страстями), привело к созданию нового типа социального устройства — монашества. Изначально создаваемое для борьбы с грехом, монашество как новая форма социальности несравненно лучше чем «естественное» («ветхое») общество подходит для спасения и обожения. Это, однако, не означает, что путь монаха к спасению легок и быстр. Само по себе удаление из «мира» лишь уменьшает число поводов для «воспламенения» страстей, но не исключает их полностью. Не имея вокруг себя явных поводов к страстной привязанности, монах не находится в вакууме, где уже нет поводов к «любостяжательности». «Не думай, — пишет преп. Исаак Сирин, — что одно приобретение золота и серебра есть любостяжательность, но и все, что бы то ни было, к чему привязана воля твоя» [там же, с. 277]. А такая привязанность возможна даже в вакууме, ведь человек может желать что-либо и без материального наличия объекта желания, лишь мысленно представляя его. Причина этого заключается в том, что грех живет внутри человека. Недаром один из основателей монашества преп. Антоний говорил: «Кто живет в пустыне и в безмолвии, тот свободен от трех искушений: от искушения слуха, языка и взора; одно только у него искушение — в сердце» [3, С. 12].

Несмотря на то, что это искушение одно, его вполне достаточно для духовной гибели человека, ведь это искушение — «корень» (основа, источник) всех остальных страстей. Без него ни одно внешнее воздействие само по себе не смогло бы принести ощутимый вред человеку. Именно потому, что главный враг человека находится внутри него самого, одно лишь бегство из «мира» (общества) не означает победы над страстями, ибо от самого себя не убежишь. По этой же причине монашество есть не столько удаление из «мира» — это лишь первое, внешнее подготовительное действие, — сколько детально разработанная методология борьбы с грехом.

Жизнь в «миру» и монашеское житие отличаются лишь «количественно»: спасаться, живя в «миру», труднее, но все же (и это принципиально важно), по мнению аскетических писателей, спасение возможно и здесь. Главное «место» спасения — Церковь — находится именно в «миру» (обществе), хотя и не тождественна ему. Для монахов Церковь также необходима и первична, на что прямо указывает осуждение мессалианства, настаивавшего на самодостаточности монашеского жития.

Трудность спасения в «миру» связана со всевозможными сложностями в деле осуществления христианской жизни. «Может ходить и тот, — пишет преп. Иоанн Лествичник, — кто связан узами житейских дел и попечений, но неудобно; ибо часто и те ходят, у которых железные оковы на ногах, но они много претыкаются и получают от этого язвы» [8, с. 20]. Чем прочнее человек связан с миром, тем ему труднее спасаться. «Человек неженатый, а только делами связанный в мире, подобен имеющему оковы на одних руках; а потому, когда он ни пожелает, может невозбранно прибегнуть к монашескому житию; женатый же подобен имеющему оковы и на руках и на ногах» [там же].

Нередко случается так, что живущий в мире человек, на первый взгляд, достигает определенных успехов в добродетельной жизни по заповедям Христовым, «пребывает в бдениях, в постах и злостраданиях», но при ближайшем рассмотрении этот подвиг зачастую оказывается ложным. Удаляясь из мира и приступая к монашескому житию, тот же человек становится не способен к «бдениям, постам и злостраданиям», какие не представляли для него особого труда в «миру». Причина этого, по мнению преп. Иоанна Лествичника, заключается в том, что «различные растения добродетелей, насаждаемые мирскими людьми», как бы из подземного стока нечистоты орошаются тщеславием, окапываются самохвальством и уточняются навозом похвал; «но они скоро засохли, когда были пересажены на землю пустую, недоступную для мирских людей, и не имеющую смрадной влаги тщеславия, ибо любящие влагу растения не могут приносить плода в сухих и безводных местах» [4, с. 24].

Принципиально важно еще раз подчеркнуть, что даже такой суровый критик «мира», как преп. Иоанн Лествичник, признает: несмотря на все трудности, спасение для живущих в «миру» возможно. Об этом же говорит другой известный представитель монашеской традиции — преп. Симеон Новый Богослов. Полемизируя с теми, кто отрицает такую возможность, он утверждает, что «возможно достигнуть свободы от страстей или бесстрастия тому, кто истинно подвизается, тому, кто получит благодать Божию, возможно возвыситься до состояния бесстрастия душевного и телесного и не только не быть тревожимым страстями тогда, когда беседует или вкушает пищу вместе с женщинами, но даже когда находится среди города, слышит там пение и музыку и видит смеющихся, забавляющихся и пляшущих, не терпит совершенно никакого вреда» [6, с. 381—382].

В многочисленных патериках неоднократно встречаются истории о том, как достигшему значительных высот монаху открывалось, что в «миру» живет «обычный» мирской человек, превзошедший его. Классическим примером такого рода рассказов является случай с преп. Макарием Египетским. Как-то раз во время молитвы преподобный, которого по чистоте жизни сравнивали с Богом, услышал голос Всеведущего, сообщившего ему, что в некотором селении живут две женщины, превосходящие его в совершенстве жизни по евангельским заповедям. Преподобный сразу же отправился в это селение в сопровождении ангела,

указывающего ему дорогу. Найдя женщин, Макарий стал спрашивать о том, каково их «делание». Женщины пояснили, что сначала они хотели уйти в монастырь, но мужья их не отпустили. Тогда они решили, что всю жизнь будут помышлять только о Боге и Его святых, не произнося ни одного праздного слова и ни с кем не споря, усердно занимаясь молитвами, постом и делами милосердия. Узнав, что уже пятнадцать лет женщины неукоснительно выполняют это «делание», преподобный сказал: «Поистине, не имени монаха, или мирянина, или девы, или жены с мужем, но правого произволения ищет Бог, и Он им всем дает Своего Святого Духа» [5, с. 629]. Сложность жизни в миру по евангельским заповедям лишь увеличивает награды тем, кто несмотря ни на что живет добродетельно. Самому авве Антонию — основателю и эталону монашеской жизни «было открыто в пустыне: в городе есть некто, подобный тебе, искусством — врач, который избытки свои отдает нуждающимся и ежедневно поет с ангелами Трисвятое» [3, с. 15].

Даже семейная жизнь, казалось бы, неизбежно сопряженная с мирскими волнениями, не делает достижение спасения невозможным. В «Достопамятных сказаниях о подвижничестве святых и блаженных отцов» приводится следующий рассказ. Два монаха хотели узнать, какой меры они достигли в своем подвижничестве. В ответ «голос с неба» сказал им, что в некотором египетском селении есть семейная пара — Евхарист и Мария, которые превосходят в совершенстве вопрошавших старцев. Заинтригованные монахи разыскали Марию и ее супруга Евхариста, который оказался пастухом. Первоначально миряне на вопрос старцев, о том, в чем особенность их жизни, по смирению отвечали, что ничего особенного в их жизни нет. Но затем, устрашившись ссылки на Бога, который послал к ним монахов, они рассказали, что овец получили от своих родителей и, если по милости Божией бывает какой прибыток от них, делят его на три части: «одну для бедных, другую для странников, а третью для собственного употребления» [там же, с. 60]. Далее Евхарист признался, что за все время совместной жизни с супругой они не осквернялись, и она до сих пор дева. «Каждый из нас спит особо; по ночам мы носим власяницы, а днем свои одежды» [там же, с. 61].

Впрочем, и пример с безымянным врачом, и пример с Евхаристом и Марией могут показаться недостаточно убедительными для доказательства возможности спасения в «миру», поскольку указанные лица лишь внешне жили по-мирски, по сути же вели монашескую жизнь.

Однако сама возможность монашеской (или почти монашеской) жизни в «миру» (далеко не всегда успешной и вне «мира», в пустыне) уже ясно показывает, что власть «мира» над человеком не безусловна, «мир» (общество) не делает спасение невозможным. Более того, даже «полноценная» жизнь в «миру» (в мирском понимании полноценности), максимально искусительная (в силу своей «полноценности»), не является непреодолимым препятствием для достижения цели жизни христианина — спасения, примером чего может служить житие блаженно-

го Филарета Милостивого. Согласно житию, Филарет был родом из «знатных людей Понта и Галатии» и имел большое богатство: шестьсот быков, сто пар волов, восемьсот коней на пастбищах, восемьдесят выездных лошадей и мулов, двенадцать тысяч голов овец, пятьдесят пригородных имений с большим количеством земли, множество рабов с женщинами и детьми. Кроме того, у Филарета была жена и трое детей — две дочери и сын, — которые «были очень хороши собой и красотой своей затмевали в те времена всех» [9, с. 99]. Таким образом, Филарет имел самые «сильные поводы прилепляться» к «мирскому», поводы, против которых устояли немногие. В самом деле, если не привязываться к богатству ради самого богатства еще относительно легко, то соединение богатства с любимой женой и молодыми красивыми детьми «на выданье» является трудноперенос имым и, следовательно, особенно опасным мирским искушением.

Тем не менее блаженный Филарет смог сохранить духовную чистоту, нисколько не привязываясь к имеющимся у него земным благам. Он любил жену и детей христианской любовью, не замутненной страстными, греховными помыслами. К богатству же он вовсе не привязывался, был «весьма нищелюбив и страннолюбив, одевал раздетого, пришедшим издалека давал все необходимое, а когда человек у него что-нибудь просил, с радостью давал и, сначала накормив за своим столом, отправлял в путь» [там же, с. 99], за что и был прозван «Милостивым».

Конечно, можно подумать, что щедрость Филарета по отношению к окружающим обусловлена его большим богатством, от которого в результате щедрости мало убывало. Такую небольшую убыль может пережить и жадный человек, страстно привязанный к мирским благам. Однако лучшим доказательством праведности Филарета, этого нового Иова, является то, что и потеряв богатство, он не изменил своей добродетельной жизни, «не печалился, не богохульствовал, не досадовал, но, как человек, нечаянно разбогатевший... радовался, ибо сбросил с себя тяжелое бремя богатства» [там же, с. 100]. Более того, уже обеднев, он продолжал заботиться о бедных, отдавая им последнее. Праведника не смутило даже непонимание детей и упреки жены, называвшей его потатчиком лентяев, ленивцем, медносердым, безжалостным и бессердечным по отношению к своим близким. Филарет устоял даже против такого аргумента, против которого практически невозможно устоять: «Да, — воскликнула жена, — тебе не жаль меня, несчастную, пожалел бы хоть детей. Как им жить? Но ты — тверже камня, и у тебя нет сердца» [там же, с. 101].

Интересно, что последнее замечание супруги Филарета является верным с точки зрения аскетики, но если жена вкладывала в свои слова отрицательный смысл, то с аскетической точки зрения они имели явно положительное значение. Филарет был тверд, как камень, в противостоянии искушениям и не имел сердца, наполненного страстями, не имел привязанности к миру даже в таком, казалось бы, безусловно положительном (с мирской точки зрения) аспекте, как дети. Такая чистота, по

общему мнению аскетических отцов, — верный признак того, что человек достиг высот праведной жизни. Хранение сердца от страстей — источник победы над грехом. Такое хранение сердца, как отмечает преп. Исаак Сирин, «лучше всякого жития, каким бы способом и в какой бы человеческой мере оно проводимо ни было» [4, с. 429—430]. Именно таким и был Филарет: не имея сердца в мирском смысле, т.е. сердца, полного страстей, он, живя в ветхом обществе, был мертв для него, не был причастен пропитавшему его греху. Не изменило праведного Филарета и новое мирское счастье, нередко более опасное, чем беда. Когда его внучка стала супругой императора, и он вместе с родней переехал в Константинополь, приобретя большее, нежели прежде, богатство и положение, праведник остался верным себе, не принимал никакого высокого сана и «постоянно творил милосердие... будучи верным заступником беззащитных сирот, вдов и нищих» [9, с. 109].

Так всю свою долгую жизнь (согласно житию, он прожил девяносто лет) блаженный Филарет прожил в «миру», думая только о Боге, о спасении души. Живя в «миру» и формально не будучи монахом, он, руководствуясь принципом «все, что превышает потребность, — любостяжательство» [там же], достиг такого бесстрастия, которого и в монастырях достигают далеко не все.

Примеров, подобных Филарету Милостивому, в христианской литературе множество. Не всегда жизнь подобных праведников заканчивается столь же успешно, как у Филарета (в мирском значении слова «успешно»), но все эти праведники неизменно достигают успеха в достижении главной цели жизни человека — спасении и обожении. Распространенность подобных примеров призвана показать, что опыт праведного жития в «миру» не является чем-то уникальным и недостижимым для «простого смертного». Хотя «мир» (общество) и не благоприятствует достижению цели жизни христианина, но в то же время не является чем-то, делающим спасение невозможным. Коротко и точно сказал об этом преп. Ефрем Сирин: «Мир сей есть торжище, на котором много доброго и худого; всякий выбирает себе, что нравится ему. Кто ищет истины, тот не находит в ней недостатка. А кто предается неправде, тот находит и ее» [10, с. 239].

В завершение хочется привести слова преп. Иоанна Лествичника, идеально резюмирующие отношение аскетических писателей к проблеме спасения в «миру»: «Некоторые люди, нерадиво живущие в мире, спрашивали меня, говоря: «как мы, живя с женами и оплетаясь мирскими попечениям, можем подражать житию монашескому?» Я отвечал им: “Все доброе, что только можете делать, делайте: никого не укоряйте, не окрадывайте, никому не лгите, ни перед кем не возноситесь, ни к кому не имейте ненависти, не оставляйте церковных собраний, к нуждающимся будьте милосердны, никого не соблазняйте, не касайтесь чужой части, *будьте довольны оброки* жен ваших (Лк. 3, 14). Если так будете поступать, то недалеко будете от Царствия Небесного”» [8, с. 20—21].

Литература

1. *Дионисий Ареопагит*. О церковной иерархии : послания. — СПб., 2001.

2. *Григорий Нисский*. О молитве // Восточные отцы и учители Церкви IV века : антология : в 3 т. — М., 1999. — Т. 2.

3. Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. — Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993.

4. *Исаак Сирин*. Слова подвижнические. — М., 1993.

5. *Макарий Египетский*. Творения. — М., 2002.

6. *Симеон Новый Богослов*. Слово восемьдесят третье // Симеон Новый Богослов. Творения : в 3 т. — Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. — Т. 2.

7. *Симеон Новый Богослов*. Слово шестьдесят шестое // Симеон Новый Богослов. Творения : в 3 т. — Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. — Т. 2.

8. *Иоанн Лествичник*. Лествица. — СПб., 1996.

9. Византийские легенды. — М., 1994.

10. *Ефрем Сирин*. О покаянии // Творения : в 8 т. — М., 1995. — Т. 4.

Челябинский государственный педагогический университет

Логиновский С. С., кандидат философских наук, доцент кафедры философии

E-mail: deti@74mail.ru

Тел.: (351) 239-37-88

Chelyabinsk State Pedagogical University

Loginovskiy S. S., Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Philosophy Department

E-mail: deti@74mail.ru

Tel.: (351) 239-37-88